

Череп Анастасия Вадимовна

студентка

Дехнич Ольга Витальевна

канд. филол. наук, доцент, заместитель директора

по очно-заочной и заочной формам обучения

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный

национальный исследовательский университет»

г. Белгород, Белгородская область

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ ВЫМЫШЛЕННОГО ЯЗЫКА «НАДСАТ» (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЭНТОНИ БЕРДЖЕССА «ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН» И ЕГО ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

***Аннотация:** проблема переводимости художественных текстов является актуальной проблемой современного переводоведения. В статье данная тема раскрывается на примере перевода вымышленного языка «надсад» Э. Берджесса, созданного на базе русского языка. Переводчикам необходимо найти свой способ передачи вымышленного языка для русскоязычного читателя так, чтобы максимально сохранить экспрессивно-эмоциональную нагрузку и художественно-эстетическую ценность текста.*

***Ключевые слова:** надсад, «Заводной апельсин», проблема переводимости, адекватность перевода, нормы перевода, модели словообразование, вымышленный язык, Берджесс.*

Проблема переводимости многогранна, сложна, и, несмотря на большое количество лингвистических работ, по-прежнему актуальна. Ее суть заключается в возможности достижения максимальной адекватности перевода, его соответствия нормам перевода, то есть создания такого перевода, который бы соответствовал требованиям эквивалентности и конвенциональности, а в первую очередь – поставленной прагматической задаче [1, с. 147].

В данной статье мы рассматриваем основные аспекты проблемы переводимости на основе сопоставительного анализа примеров из романа «Заводной

апельсин» Энтони Берджесса и его переводов на русский язык (на примере перевода Е. Синельщикова и перевода Б. Бошняка). Особенностью романа Берджесса является использование вымышленного языка «надсат», имеющего преимущественно русскую основу. Название языка – это суффикс числительных от 13 до 19: -надцать (-nadsat). Объясняется это тем, что носителями «надсата» в «Заводном апельсине» были подростки.

Язык главных героев – вымышленный сленг «надсат» – используется скорее как стилистический прием, нежели как сюжетный. Перевод вымышленного языка Э. Берджесса на русский язык вызывает немало вопросов потому, что он имеет русскую основу и русскоязычный читатель без труда их идентифицирует. Переводчикам необходимо найти свой способ передачи вымышленного языка для русскоязычного читателя так, чтобы максимально сохранить экспрессивно-эмоциональную нагрузку и художественно-эстетическую ценность текста, ведь для русскоязычного читателя текст должен быть столь же необычен, как и для англоязычного.

В вымышленном языке авторства Э. Берджесса мы выделили несколько групп слов, включающих разнообразные модели словообразования. Составленные словообразовательные модели дают четкое представление о литературных приемах, используемых автором.

Первая словообразовательная модель объединяет слова, в которых задействованы корни русского происхождения. Принимая во внимание тот факт, что все заимствования были подвержены разнообразным изменениям, то их, в свою очередь, возможно подразделить на пять категорий.

Первая категория – это слова, заимствованные напрямую с минимальными нарушениями в транскрипции, с сохранением оттенка значения и изменяющиеся согласно грамматическим правилам английского языка. Так, основным способом образования множественного числа имен существительных в английском языке является прибавление окончания -s или -es к форме существительного в единственном числе, что ярко демонстрируется в тексте. Для примера рассмотрим

авторский окказионализм «shoom», в русском языке ему соответствует слово «шум».

(1) This had a terrible mad *shoom* about it, as though this old veck was really off his gulliver [6, с. 53].

(2) The old veck began to make sort of chumbling *shooms* – «wuf waf wof» – so Georgie let go... [6, с. 3].

Следующий пример – авторский неологизм «chelloveck», которому в русском языке соответствует слово «человек»:

(3) Well, it was the letting-in of this new *chelloveck* that was really the start of my getting out of the old Staja... [6, с. 32].

(4) ...and then the typing stopped and there was this *chelloveck's* goloss calling: «What is it, dear?» [6, с. 8].

В последнем примере мы наблюдаем соблюдение правила образования притяжательного падежа: в английском языке форма притяжательного падежа существительных в единственном числе образуется путем прибавления окончания 's к форме общего падежа.

Как известно, в английском языке действие, выраженное глаголом, может происходить в прошедшем, настоящем или будущем времени и выражаться определенной временной формой. К тому же допустимо использование глагола в форме залога, который показывает, является ли подлежащее в предложении (лицо или предмет) производителем или объектом действия, выраженного сказуемым. В произведении автор адаптирует заимствованные глаголы согласно грамматическим правилам английского языка. Так, авторское «sobirat», образованное от русского «собирать», используется в пассивном залоге:

(5) The point was whether to leave the auto to be *sobiratted* by the rozzes. [6, с. 10]. (Пассивный залог).

Глагол «peet», соответствующий русскому «пить», наглядно используется как в простом настоящем времени, так и в прошедшем длительном и в прошедшем совершенном времени:

(6) Or you could peet milk with knives in it, as we used to say.. [6, с. 1]. (Простое настоящее время).

(7) ...and that was what we were peeting this evening I'm starting off the story with [6, с. 1]. (Прошедшее длительное время).

(8) So off we went our several ways, me belching arrrrgh on the cold coke I'd peeted [6, с. 12]. (Прошедшее совершенное время).

Вторая категория – это слова, заимствованные напрямую из русского языка с умышленно нарушенной транскрипцией, с сохранением оттенка значения и изменяющиеся согласно грамматическим правилам английского языка. Как и в предыдущем пункте, использование существительных и глаголов в предложении сопровождается сохранением способа образования форм множественного числа, притяжательного падежа, временных форм и залога. Например, окказионализм «baboochka» (рус. «бабушка»):

(9) Scotchmen for us and the same for the old baboochkas, eh? [6, с. 67].

Окказионализм «yeckate» (рус. «ехать»):

(10) We *yeckated* back townwards, my brothers, but just outside, not far from what they called the Industrial Canal... [6, с. 10]. (Простое прошедшее время).

Интересным представляется авторское использование фразового глагола to go, в котором глагольная часть «to go» заменена сленгом «to itty» с сохранением всех значений, передаваемых используемыми в устойчивых сочетаниях предлогами и наречиями, например:

– to go off – to itty off – уходить, уезжать, убегать, улетать:

(11) I made for the door, wanting to go upstairs and get my platties and then *itty off* [6, с. 61].

– to go by – to itty by – проходить/проезжать мимо, проходить (о времени):

(12) There was an auto *ittyng by* and it had its radio on. [6, с. 20].

– to go towards – to itty towards – направляться к чему-либо:

(13) But *ittyng towards* it with my glazzies like full on it... [6, с. 24].

Третья категория – слова, заимствованные напрямую из русского языка со сменой оттенка значения. Авторское слово «nazz» имеет прямое значение «дурак». При этом оно явно образовано от русского «назад», что можно рассматривать как «недалекий, глупый человек»:

(14) It was the goloss of P. R. Deltoid (a real gloopy *nazz*, that one)... [6, с. 14].

Слово «ptitsa» неоднократно используется Берджессом при описании девушек или женщин. Его смысловое значение – «цыпочка», «красотка» – ярко ассоциируется с птицей, распушившей перья (образовано от русского «птица»):

(15) There were vecks and *ptitsas*, both young and starry, lying on the ground screaming for mercy... [6, с. 13].

Четвертая категория – это межъязыковые омофоны – слова с одинаковым (или близким) произношением и различным значением и написанием, встречающиеся в разных неродственных языках: «horrowshow» имеет значение «хорошо», хотя при дословном переводе обозначает «фильм ужасов»):

(16) ...and the shortage of real *horrorshow* teachers who would lambast bloody beggary out of their innocent poops... [6, с. 16].

Слово «bugatty» имеет значение «богатый». Здесь так же наблюдается использование антономазии, ведь дословно: «Bugatti» – автомобилестроительная компания, специализирующаяся на выпуске легковых автомобилей класса люкс:

(18) ...night's veshch with the *bugatty* starry ptitsa with the mewling kots and koshkas [6, с. 27].

Пятая категория – слова, которые были подвержены сокращению. Данную категорию в основном составляют заимствованные глаголы, которые теряют конечные флексии, т.е. окончания. При этом грамматические правила английского языка соблюдаются. Так, окончания теряют глаголы «видеть» – «viddy», «смотреть» – «smot», «понимать» – «pony», «осушать» – «osoosh», «слушать» – «slooshy» и многие другие. При этом имена существительные и прилагательные усекаются не только по окончаниям, но и по приставкам, суффиксам, начальным частям слов: «biblio» вместо «библиотека», «chasso» вместо «часовой», «spoogy» вместо «испуганный».

Вторая словообразовательная модель включает слова, объединяющие как русские, так и английские морфемы. Слова обоих языков образуют новую лексику путем словосложения и слияния. Первая схема словосложения включает начальную часть первого слова и полную форму второго слова: «underveshches» – «нижнее белье» (образовано от «underwear» + «вещи»), «glazlids» – «веки» (от «глаза» + «lids»). Вторая схема словосложения включает полные формы слов: «hen-korm» – «гроши» (образовано от «hen» + «корм»), «bogman» – «богослужебный» (от «бог» + «man»).

В группу третьей словообразовательной модели включены слова, образованные с помощью заимствования корневых морфем других языков (без учета русского и английского). Подобные слова образуются путем усечения конечной части слова, например: «cravat» – «галстук» (от французского слова «cravate»), «tass» – «чашка» (образовано от французского «tasse»), «tashtook» – «носовой платок» (от немецкого «taschentuch»). Прямым способом заимствуется слово «dook» – «призрак» (образовано от цыганского «dook» – «магия»), yahoody – «еврей» (от арабского «اليهودي» [jehu'dim]).

Четвертая словообразовательная модель составлена авторскими окказионализмами, образованными с использованием сугубо английских морфем. Среди них мы можем определить слова с усеченной центральной частью, такие как «staja» – «тюрьма» (образовано от «State Jail»), «to chumble» – «бормотать» (от «chat» + «mumble»), «skriking» – «царапание» (от «strike» + «scratch»); слова, образованные путем словосложения «godman» – «man of God»; слова, заимствованные из лондонского сленга Кокни, так называемого рифмованного сленга (cockney rhyming slang). Рифмованный сленг – форма построения фразы на английском языке, при которой целое слово заменяется рифмующейся фразой, состоящей из двух или трех слов; при этом вторичное слово зачастую опускается, тем самым оставляя происхождение и значение фразы неизвестными для незнакомого человека (Барт, 1980: 24). При этом часть слов подверглась авторской обработке, тем самым утратив свою схожесть с оригиналом. К примеру, «shive» – «резать»:

(19) ...nor to do the ultra-violent on some *shivering* starry grey-haired ptitsa... [6, с. 1].

– «charlie» – «священник» (образовано от «Chaplain» – «Charlie Chaplin»):

(20) ...and the prison *charlie* was govoreeting the Word of the Lord [6, с. 29].

Рассмотрим, как подошли переводчики к проблеме переводимости «Заводного апельсина». Оригинальный отрывок первой главы произведения:

«Give these poor old *baboochkas* over there a nourishing something. Large Scotchmen all round and something to take away.” And I poured my pocket of *deng* all over the table, and the other three did likewise, O my brothers. So double firegolds were bought in for the scared *starry* lighters, and they knew not what to do or say. One of them got out «Thanks, lads,” but you could see they thought there was something dirty like coming. Anyway, they were each given a bottle of Yank General, cognac that is, to take away, and I gave money for them to be delivered each a dozen of black and suds that following morning, they to leave their stinking old *cheenas*’ addresses at the counter. Then with the *cutter* that was left over we did purchase, my brothers, all the meat pies, pretzels, cheese-snacks, crisps and chocbars in that *mesto*, and those too were for the old sharps. Then we said: «Back in a *minoota*,” and the old ptitsas were still saying: «Thanks, lads,” and «God bless you, boys,” and we were going out without one cent of *cutter* in our carmans.

Отрывок перевода В. Бошака:

«– А ну-ка, обслужи *babushek* по полной программе. Всем по двойному виски и еще дай им чего-нибудь взять с собой. – Я вывалил из кармана на стол весь свой запас *deng*, и трое моих друзей сделали то же самое – ох, времена были! В общем, появились на столе у *perepuglyh* старых вешалок стаканы с горючкой, а они сидят ни живы, ни мертвы и не знают, чего сказать. Насилу одна из них выдавила: «Спасибо, ребятки», но по ним было видно: смекнули уже, что тут дело нечисто. Ладно, выдали мы им по бутылке «Янк-Дженерал» – коньяка, значит, причем это уже с собой, а я еще дал *deng*, чтобы им с утречка принесли на дом по дюжине пива, а они, дескать, пусть только свои *vonitshije* адреса рас-сылному оставят. Потом на оставшуюся капусту мы скупили в *zabegalovke* все

пирог, крекеры, бутерброды, чипсы и шоколадки, и все это тоже для старых кочерыжек. Потом говорим: «*Stshias* вернемся», и под бормотанье старых куриц – мол, спасибо, ребятки, дай Бог вам здоровья, мальчики – мы уже пошли на выход без единого цента *deng* в карманах».

Объясняя свой вариант перевода слов «надсата», В. Бошняк отмечал: «...переводчик вынужден прибегнуть к достаточно условному приему выделяя в русском тексте слова, относящиеся к русскоязычному жаргону персонажей, латиницей, чтобы, во-первых, продемонстрировать их непосредственную перенесенность из текста оригинала, а во-вторых, заставить читателя слегка поломать над ними голову. Латиница нужна еще и для того, чтобы эти «жаргонные» слова как можно резче отличались от тех же слов, но встречающихся в обычной, не жаргонной речи (в нейтральных описаниях, в речи взрослых персонажей и т. д.) Тем более что лексически полностью отграничить их невозможно, поскольку в основном персонажи в качестве жаргонных используют обычные русские общепотребимые слова типа «мальчик», «лицо», «чай» и т. д. Это совершенно естественно, так как англоязычным подросткам нет смысла выбирать из всего русского языка какие-либо особые словечки – на жаргон годится любое иностранное слово, и в первую очередь как раз простое и наиболее употребимое» [2, с. 222–223].

Перевод В. Бошняка полностью отвечает вышеобозначенным требованиям эквивалентности, конвенциональности и адекватности. Несмотря на всю сложность поставленной задачи, стиль оригинального текста выдержан довольно точно. В. Бошняк старался визуально вычленить слова «надсата» – именно с этой целью он записал их латиницей, однако они теряются среди других жаргонных слов. Как следствие этого – «надсат» в переводе Бошняка воспринимается как чужеродный сленг только зрительно. При этом читателя вовсе не затрудняет процесс чтения и осознания слов, он задерживает свое внимание на них совсем недолго, поскольку все они хорошо ему знакомы. А то, что среди слов «надсата» встречаются и обычные жаргонные слова («*voniutshije*», «*deng*», «*zabegalovke*») еще больше сбивает с толку [7, с. 121]. Делая вывод из вышесказанного, следует

отметить, что запись русских слов латиницей, заимствование переводчиком некоторых слов «надсата» из оригинала, а также, использование жаргонной лексики, записанной латиницей, в качестве приема компенсации может считаться адекватным вариантом перевода слов «надсата», однако это не помогает воссоздать текстовую ситуацию оригинала.

Теперь обратимся к переводу того же отрывка Е. Синельщикова:

«– И принеси этим Божьим одуванчикам не свинячье пойло, а что-нибудь действительно питательное. А то сдохнут от вашей благотворительности прямо тут, в твоём гадючнике.

С этими словами я выгреб из одного кармана несколько смятых бумажек и плюхнул их на *тэйбл*. Остальные последовали моему примеру. Вскоре старухам принесли тушеное мясо с пюре и опять же нежными *стыюд веджетэблз* и по банке *биэр*. Старые птицы послали нам очаровательнейшие *смайлзы* и благодарно закивали, трясая космами.

И тут на нас словно что-то нашло. Мы принялись грести с прилавка все что попало: коньяк «Генерал-янки», печенье, шоколад, *чиз*, *хэм*, средства от моли и тараканов и засыпать этим наших милых *грэнниз*. Избавившись таким образом от *маней*, мы весело подмигнули нашим чаровницам и сказали, что скоро вернемся. «Спасибо, мальчики. Да благословит вас Господь!» – хором ответили те».

Подход к переводу Е. Синельщикова структурно отличается от перевода В. Бошняка – он заменил русские слова жаргонными американизмами (*маней*, *биэр*, *смайлзы* и т. д.), но подобный вариант перевода так же имеет свои недостатки. К примеру тот факт, что английские слова слишком хорошо знакомы многим русскоязычным читателям и активно используются в русском сленге (то есть вновь отсутствует ситуация «затрудненного» восприятия текста). Кроме того, активное использование сниженной и грубой лексики в (*дурик*, *вискарь-водяра*, *отмочить*) вызывает искажение смысла текста. Данная версия перевода так же сделана по сокращённому американскому варианту произведения, вследствие чего в нём опущены подробности многих сцен, фразы героев становятся шаблонными и теряют колорит, а также полностью отсутствует 21-я глава.

Таким образом, проведя сопоставительный анализ переводов, выполненных В. Бошняком и Е. Синельщиковым, можно сделать вывод о том, что перевод В. Бошняка является адекватным, в то время как перевод Е. Синельщикова явно не отвечает требованиям исчерпывающей передачи коммуникативного эффекта исходного текста. Художественные произведения, авторы которых столько творчески подходят к созданию образа и мира главных героев, являются крайне интересным материалом для исследования в рамках изучения проблемы переводимости художественных текстов.

Список литературы

1. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение [Текст]: Учебное пособие / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС. – 2002. – 424 с.
2. Берджесс Э. Заводной апельсин / Пер. В. Бошняка. – М.: АСТ; Астрель. – 2011. – 222 с.
3. Берджесс Э. Заводной апельсин / Пер. В. Бошняка. – М.: АСТ; Астрель. – 2011. – 222 с.
4. Берджесс Э. Заводной апельсин / Пер. Е. Синельщикова // Юность. – №3, 4. – 1991. – 31 с.
5. Лукина В.М. К вопросу о возможности перевода: философские и лингвистические аспекты проблемы переводимости (на материале романа Энтони Берджесса «Заводной апельсин» / «A Clockwork Orange» и его переводов на русский язык) [Текст] // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, май 2012 г.). – М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. – С. 116–121.
6. Burgess A. A Clockwork Orange. – Harmondsworth: Penguin, 2000. – 76 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.royallib.com/
7. Лукина В.М. К вопросу о возможности перевода: философские и лингвистические аспекты проблемы переводимости (на материале романа Энтони Берджесса «Заводной апельсин» / «A Clockwork Orange» и его переводов на русский язык) [Текст] // Филология и лингвистика в современном обществе: Материалы

Международ. науч. конф. (г. Москва, май 2012 г.). – М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. – С. 116–121.